

Кошка, гулявшая сама по себе

Слушай, мой милый мальчик, слушай, внимай, разумеи, потому что это случилось, потому что это произошло, потому что это было еще в ту далекую пору, когда Ручные Животные были Животными Дикими.

Собака была дикая, и Лошадь была дикая, и Корова была дикая, и Овца была дикая, и все они были дикие-предикие и дико блуждали по Мокрым и Диким Лесам.

Но самая дикая была Дикая Кошка, — она бродила, где вздумается, и гуляла сама по себе.

Человек, конечно, был тоже дикий, страшно дикий, ужасно дикий. И никогда бы ему не сделаться ручным, если бы не Женщина. Это она объявила ему, — при первой же встрече, — что ей не по душе его дикость. Она живо сыскала ему для жилья уютную, сухую Пещеру, потому что спать в Пещере было куда лучше, чем валяться под открытым небом на куче сырой листвы. Она посыпала пол чистым песочком и развела в глубине Пещеры отличный костер.

Потом она повесила у входа в Пещеру шкуру Дикой Лошади хвостом вниз и сказала Мужчине:

— Вытирай, милый, ноги, как будешь входить: теперь у нас, видишь, хозяйство.

В этот вечер, мой милый мальчик, они ужинали дикой овцой, зажаренной на раскаленных камнях, приправленной диким чесноком и диким перцем. Потом они съели дикую утку, начиненную диким рисом, дикой травой и дикими яблоками; потом хрючки диких быков; потом дикие вишни и дикие гранаты. Потом Мужчину, очень счастливый, пошел и заснул у огня, а Женщина села колдовать: она распустила волосы, взяла плечевую баранью кость, очень плоскую и очень гладкую, и стала пристально всматриваться в проходящие по кости разводы. Потом она подбросила поленьев в огонь и затянула песню. Это было первое в мире Колдовство, первая Колдовская Песня.

И собрались в Мокром и Диком Лесу все Дикие Звери; сбились в одно стадо и, глядя на свет огня, не знали, что это такое.

Дикий Пес задрал дикий нос, понюхал, как пахнет баранье жаркое, и дико сказал:

— Пойду, погляжу, а потом расскажу. Мне кажется, что там не так уж плохо. Кошка, пойдем со мною!

— Ну, нет, — отвечала Кошка. — Я, Кошка, хожу, где вздумается, и гуляю сама по себе.

— Ну, тогда я тебе не товарищ, — сказал Дикий Пес и трусцой побежал к Пещере. Но не пробежал он и десяти шагов, а Кошка уже подумала: «Я, Кошка, хожу, где вздумается, гуляю сама по себе. Почему бы мне не пойти туда и не посмотреть, как и что? Ведь я пойду по собственной воле».

И она тихонько побежала за Псом, ступая мягко и нежно, и забралась в такое местечко, откуда ей было слышно решительно все.

Когда Дикий Пес подошел к Пещере, он диким носом приподнял лошадиную шкуру и стал упиваться прекрасным запахом бараньего жаркого, а Женщина, колдовавшая костью, услышала шорох и сказала, смеясь:

— Вот пришел уже первый. Ты, из Дикого Леса. Дикая Тварь, чего тебе надобно здесь?

И отвечал Дикий Пес, говоря:

— Скажи мне, о, Враг мой, Жена Врага моего, что это пахнет так нежно среди этих Диких Лесов?

И нагнулась Женщина, и подняла с полу кость, и бросила Дикому Псу, говоря:

— Ты из Дикого Леса Дикая Тварь, отдавай, погрызи эту кость.

Взял Дикий Пес эту кость в свои дикие зубы, и она оказалась вкуснее всего, что он грыз до этой поры, и он сказал:

— Послушай, о, Враг мой, Жена моего Врага, — брось мне скорее другую такую же кость.

И отвечала ему Женщина, говоря:

— Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, пооди, помоги моему Мужчине ходить за добычей, стереги эту Пещеру по ночам, и я дам тебе столько костей, сколько тебе будет нужно.

— Ах, — сказала Кошка, слушая их разговор. — Это очень умная Женщина, хотя, конечно, я умнее ее.

Дикий Пес забрался в Пещеру, положил голову Женщине на колени и сказал:

— О, мой Друг, Жена моего Друга, хорошо. Я готов помогать твоему Мужчине охотиться, я буду стеречь по ночам вашу Пещеру.

— Ах, — сказала Кошка, слушая их разговор, — какой это глупый Пес!

Прослушавшись, Мужчину спросил:

— Что здесь делает Дикий Пес?

И ответила Женщина, говоря:

— Его имя уже не Дикий Пес, но Первый Друг, и он будет нам другом на веки веков. Как пойдешь на охоту, кликни его за собой.

На следующий вечер Женщина нарезала на заливных лугах большую охапку травы и разложила ее сушиться у огня, и когда пошел от сена такой запах, как от свежескошенной травы, она села у входа в Пещеру, сделала из лошадиной кожи уздечку и, уставившись на плечевую баранью кость — на широкую большую лопатку, — снова принялась колдовать и запела волшебную песню.

И снова в Диком Лесу собрались все Дикие Звери и, глядя издали на огонь, толковали, что такое могло приключиться с Диким Псом. И вот Дикий Конь дико топнул ногой и сказал:

— Пойду, погляжу, а потом расскажу, почему Дикий Пес не вернулся. Кошка, хочешь — отправимся вместе!

— Нет, — отвечала Кошка, — я, Кошка, брожу, где хочу, и гуляю сама по себе. Иди один.

Но на самом деле она тихонько прокрадлась за Диким Конем, ступая нежно и мягко, и забралась в такое местечко, откуда было слышно решительно все.

Услыхала Женщина конский топ, увидела, как несется к ней Дикий Конь, как он путается в длинной гриве, и сказала со смехом:

— А вот и второй прибежал сюда. Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, чего тебе надобно здесь?

Дикий Конь отвечал:

— Ты мой Враг, Жена моего Врага, отвечай мне скорее, где Дикий Пес?

Женщина засмеялась, подняла с полу баранью лопатку, поглядела на нее и сказала:

— Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, не за Псом ты пришел сюда, а за сеном.

Дикий Конь затоптался на месте и, тряхнув гривой, сказал:

— Это правда, дай-ка мне сена!

Женщина отвечала:

— Ты, из Дикого Леса Дикая Тварь, склони свою дику голову и носи, что я надену на тебя, — носи, не снимай вовек, и трижды в день ты будешь есть эту дивную пахучую траву.

Когда Пес и Мужчину вернулись с охоты, Мужчину сказал:

— А что здесь делает Дикий Конь?

И Женщина отвечала:

— Не Дикий Конь уже имя его, а Первый Слуга, так как с места на место он будет возить нас во веки веков. Когда ты соберешься на охоту, смело садись на него.

**

На следующий день подошла к Пещере Корова. Она тоже была дикая. А когда Пес, Человек и Конь вернулись с охоты, и Человек спросил точно так же, как раньше, что делает здесь Дикая Корова, — Женщина отвечала точно так же, как раньше:

— Теперь не Дикая Корова ей имя, а Подательница Хорошей Еды.

Напрасно Кошка прождала весь день, чтобы кто-нибудь еще из Диких Зверей пошел к Пещере: больше никто не приходил из Мокрого Дикого Леса. Так что Кошке поневоле пришлось блуждать самой по себе. И вот увидела она Женщину, которая сидела и доила Корову.

И увидела она в Пещере свет и почувствовала дивный запах белого парного молока. И сказала она Женщине:

— Ты, мой Враг, Жена моего Врага, скажи мне: куда ты девала Корову?

Женщина засмеялась и сказала:

— Ты, Кошка, ты гуляешь сама по себе, и ходишь, куда тебе вздумается. Ты сама говоришь, что ты не слуга и не друг. Иди же отсюда сама по себе, куда вздумается!

Кошка притворилась огорченной и сказала:

— Неужели мне иной раз нельзя придти к тебе в гости и погреться у горячего огня? И неужели ты никогда не дашь мне похлебать белого парного молока? Ты такая умница, ты такая красавица, — нет, хоть я и Кошка, а ты не будешь жестока со мной.

Женщина сказала:

— Я знаю, что я умница, но что я красавица — не знала. Давай, заключим договор. Если я хоть раз похвалю тебя, входи невозбранно в Пещеру.

— А если ты похвалишь меня дважды? — спросила Кошка.

— Ну, этому не бывать, — сказала Женщина, — но если это случится, входи и садись у огня.

— А что, если ты похвалишь меня трижды? — спросила Кошка.

— Ну, этому не бывать, — сказала Женщина, — но если это случится, приходи и получай молоко три раза в день до окончания века!

Кошка выгнула спину и сказала:

— Ты, Занавеска у входа в Пещеру, и ты, Огонь в глубине Пещеры, и вы, Молочные Крынки, стоящие у огня, вас я беру во свидетели, запомните, что сказал мой Враг, Жена моего Врага!

И, повернувшись, ушла в Дикий Лес, дико помахивая диким хвостом.

Когда в этот вечер Пес, Мужчина и Конь возвратились с охоты в Пещеру, Женщина ни слова не сказала им о своем договоре с Кошкой, так как она опасалась, что это им не понравится.

Кошка ушла далеко, далеко, и так долго скрывалась в Диком Лесу, что Женщина забыла и думать о ней. Только Мышь — Летучая Мышь, — висевшая вверх ногами у входа в Пещеру, знала, где скрывается Кошка, и каждый вечер подлетала к то-

му месту и сообщала Кошке все новости.

Как-то вечером прилетает она к Кошке и говорит:

— А в Пещере — Младенчик. Он совсем-совсем новенький. Такой розовый, толстый и крошечный. И он очень нравится Женщине.

— Отлично, — сказала Кошка, — а что же нравится Младенчику?

— Все мягкое и гладкое, — ответила Мышь. — Как идти спать, он берет в ручонки что-нибудь тепленькое и засыпает. Потом ему нравится, чтобы с ним играли. Вот и все, что ему нравится.

— Отлично, — сказала Кошка, — если так, то мой час настал.

На следующий вечер Кошка пробралась к Пещере по Дикому Лесу и просидела не-далеке до самого утра. Утром Пес, Человек да Конь ушли на охоту, а Женщина занялась стрипней. Ребенок плакал и отрывал ее от работы. Она вынесла его из Пещеры и дала ему камешков поиграть, но он не унимался.

Тогда Кошка протянула пухлую лапку и погладила Ребенка по щечке и замурлыкала и забормотала, и пошла тереться об его коленку, и хвостом зацекотала ему подбородок. Ребенок засмеялся, и Женщина, слыша его смех, улыбнулась.

Тогда воскликнула Мышь — Летучая Мышь, висевшая вверх ногами у входа в Пещеру:

— О, Хозяйка моя, Жена моего Хозяина, Мать Хозяйского Сына! Из Дикого Леса пришла Дикая Тварь и как славно она играет с твоим Ребенком!

— Спасибо Дикой Твари, — сказала Женщина, разгибая спину, — у меня так много работы, и она оказала мне большую услугу.

И вот, милый мальчик, не успела она вымолвить это, как в ту же минуту и в ту же секунду — бух-бух! — падает лошадиная шкура, висевшая хвостом книзу у входа в Пещеру (это она вспомнила, что у Женщины с Кошкой был договор), и не успела Женщина поднять ее, а Кошка вон уже сидит в Пещере, уселась поудобнее и сидит.

— Ты, мой Враг, ты, Жена Врага моего, ты, Мать моего Врага, — сказала Кошка, — посмотри: я здесь. Ты похвалила меня — и вот я здесь, и буду сидеть в Пещере во веки веков. Но все же запомни: я, Кошка, хожу, куда вздумается, гуляю сама по себе.

Женщина очень рассердилась, но прикусила язык, и села за прялку прясть.

Но Ребенок плакал опять, потому что Кошка ушла от него; и Женщина не могла его унять: он бился, дергался ножками и весь посылал от крика.

— Ты, мой Враг, ты, Жена Врага моего, ты, Мать моего Врага, — сказала Кошка, — послушай, что я скажу тебе: возьми, оторви кусочек нитки от той, которую ты прядешь, привяжи к ней веретено, и я так накалду тебе, что Ребенок, сию же минуту засмеется и будет смеяться громче, чем плачет теперь.

— Ладно, — сказала Женщина, — я уже совсем потеряла голову. Но помни: благодарить тебя я не стану.

— А теперь, — сказала Кошка, — я спою ему пенсю, убавляю его на часок.

И как пошла она мурлыкать то громче, то тише, то тише, то громче, — Ребенок и заснул крепким сном. Женщина поглядела на них на обоих и с улыбкой сказала:

— Вот это прекрасно! Что бы там ни было, а все таки умница Кошка.

Не успела она договорить — пффф! — дым от Огня тучами закружился в Пещере: это он вспомнил, что у Женщины с Кошкой был договор, и когда дым рассеялся, глядь, Кошка сидит у огня, уселась поудобнее и сидит.

— Ты, мой Враг, ты, Жена Врага моего, ты, Мать моего Врага, — сказала Кошка, — посмотри: я здесь. Ты снова похвалила меня, и вот я здесь, у теплого очага, и отсюда я не уйду во веки веков. Но все же запомни: я, Кошка, хожу, куда вздумается, и гуляю сама по себе.

Женщина очень рассердилась, распустила волосы, подбросила дров в огонь, достала баранью кость и пошла опять колдовать, чтобы как-нибудь ненароком в третий раз не похвалить эту Кошку. Но теперь, мой милый мальчик, у Женщины не было песен, она колдовала без звука, — и вот в Пещере стало так тихо, что какая-то Крошка-Мышка выскочила из угла и тихонько забегала по полу.

— Ай, ай, ай! — закричала Женщина.

В один прыжок поймала Кошка Мышку, и Женщина воскликнула от души:

— Спасибо тебе тысячу раз! Сам Первый Друг ловит Мышей не так быстро, как ты. Ты, должно быть, большая умница.

Не успела она договорить, как — трах! — в ту же самую минуту и в ту же самую секунду треснула Крынка с молоком, стоявшая у очага, треснула в двух местах, потому что вспомнила, какой договор был у Женщины с Кошкой. И не успела Женщина сойти со скамеечки, — глядь, а Кошка уже лакает из разбившейся Крынки белое парное молоко.

— Ты, мой Враг, ты, Жена Врага моего, ты, Мать моего врага, — сказала Кошка, — посмотри: я здесь. В третий раз похвалила ты меня: давай же мне трижды в день побольше белого парного молока — во веки веков. Но все же запомни: я, Кошка, хожу, куда вздумается, гуляю сама по себе.

И засмеялась Женщина, и, поставив Кошке миску белого парного молока, сказала:

— О, Кошка! Ты разумна, как человек, но помни: договор у нас заключен, когда не было дома ни Пса, ни Мужчины; не знаю, что скажут они, как вернутся домой.

— Мне-то какое до этого дело! — сказала Кошка. — Мне бы только местечко в Пещере и три раза в день побольше белого парного молочка, и я буду очень довольна, и никакие Псы, никакие Мужчины меня не касаются.

Р. Киплинг.

ПРО ВЕСЕЛОГО ТУРИСТА

Крутыми тропинками в горы,
Вдоль быстрых и медленных рек,
Минуя большие озера,
Веселый шагал человек.

Четырнадцать лет ему было,
И нес он походный мешок.
А в нем полотенце да мыло,
Да белый зубной порошок.

Он встретить в пути не боялся
Ни змей, ни быков, ни собак,
И если встречал, то смеялся
И сам приговаривал так:
«Я вышел из комнаты тесной,
И весело дышится мне.
Куда я иду — неизвестно.
Все видеть, все знать интересно,
И вот я хожу по стране!».

Он шел без ружья и без палки
Высокой зеленой травой.
Летали кунушки да галки
Над самой его головой.

И даже быки племенные
Мычали по-дружески: «Мм-у!»,
И даже собаки цепные
Виляли хвостами ему.

Он шел по тропам и дорогам,
Волков и медведей встречал,
Но зверь человека не трогал,
А издали только рычал.

Он слышал и зверя, и птицу,
В колючие лазил кусты.
Он трогал руками пшеницу,
Чудесные нюхал цветы.

И туча над ним вместо крыши,
А вместо будильника — гром.
И все, что он видел и слышал,
В тетрадку записывал он.

А чтобы еще интересней
И легче казалось идти,
Он пел, и веселая песня
Ему помогала в пути.

И окна в домах открывали,
Услышав — он мимо идет,
И люди ему подпевали
В квартирах, садах, у ворот.

И весело хлопали дверью,
И вдруг покидали свой дом.
И самые хищные звери
Им были в пути нипочем.

Шли люди, и было их много,
И не было людям числа.
За ними по разным дорогам
Короткая песенка шла:

«Нам путь незнакомый не страшен,
Мы смело пройдем ледники.
С веселою песенкой нашей
Любые подъемы легки».

И я эту песню услышал,
Приятеля голос узнал,
Без шапки на улицу вышел
И песенку эту догнал.

Сергей Михалков.

ПЕРВЫЙ ПАРАШЮТ

19-го сентября 1783-го года баран, петух и утка поднялись на воздух в ивовой корзине. Это было удивительное событие. На новом воздушном шаре полетели первые воздухоплаватели — животные. Неуклюжий разрисованный шар плавно подымался в сторону леса. В Версале на площади остались королевская гвардия и толпа зрителей, которые, подняв головы, следили за шаром.

Это был один из первых воздушных шаров. Его построили братья Жозеф и Этьен Монгольфье, жители города Анноэ. Посадив в корзину шара животных, они хотели выяснить, не вредно ли живым существам находиться так высоко над землей.

Этот монгольфьер продержался в воздухе всего три минуты и поднялся только на 500 метров.

Когда братья Монгольфье увидели, что летать можно, они поняли, что нужно научиться спасаться, если шар лопнет.

После этого подъема Жозеф Монгольфье взял зонтик, а к нему веревками привязал корзину. В корзину посадил кошку и стал сбрасывать ее с крыши своего дома. Много раз опускалась кошка в корзину с зонтиком, и все кончалось вполне благополучно.

Очень скоро горячий воздух, которым наполняли монгольфьеры, другие ученые — профессор химии Жак Шарль и Робер, — заменили водородом. Водород — легче нагретого воздуха, и новые шары — шарльеры — могли быстрее подниматься и дольше держаться в воздухе.

В это же время во Франции, в городе Монпелье, жил физик Ленорман. Он уже знал об изобретениях братьев Монгольфье и Шарля, и его тоже занимал вопрос о том, как спастись человеку, если аэростат почему-либо во время полета лопнет.

Он изготовил два больших зонта. Но что, если падая, зонты не выдержат тяжести человека и вывернутся от напора воздуха? Чтобы этого не случилось, Ленорман привязал спицы шнурами к ручке зонта. Эти шнуры были первыми стропами.

Ленорман отправился за город, захватив оба зонта. На высоком обрыве стояла большая старая липа, это было удобное место для прыжка. Ленорман взобрался на дерево и, раскрыв оба зонта, спрыгнул вниз. Он остался целым и невредимым, хотя сильно ударился о землю ногами.

Теперь надо было обдумать, как устроить такой зонт, на котором можно было бы опуститься с очень большой высоты. Ведь нельзя же прыгать с аэростата с такими зонтами, с которыми он прыгал? Конечно, нельзя. Кроме того, висеть в воздухе, держась за палки зонтов, было очень неудобно и тяжело. Ленорман убедился в этом, прыгая с дерева. А если произойдет несчастье на аэростате, то ведь и зонта раскрыть не успеешь.

После своего первого прыжка, Ленорман уже знал, что опускаться надо медленнее, чтобы не почувствовать такого сильного толчка. Он долго рассчитывал, какой

величины и формы должен быть зонт, и, наконец, закончив расчеты, сделал модель.

Много раз сбрасывал Ленорман свою модель с крыши дома. Он убедился, что зонт опускается правильно. Только теперь можно было приступить к постройке аппарата в натуральную величину. Наконец, его зонт был готов. Теперь оставалось его испытать, но аэростата в Монпелье не было. Как поступить?

Ленорман работал в обсерватории. Там была довольно высокая башня. Ленорман решил спрыгнуть с башни. На крыше башни Ленорман укрепил брус, а на него повесил свой аппарат. Все жители Монпелье уже знали, что monsieur Ленорман собирается спрыгнуть с башни с каким-то аппаратом. Поэтому в день испытания этого аппарата перед зданием обсерватории собралась громадная толпа. Станный колокол из полотна висел высоко под крышей башни, покачиваясь от легкого ветерка. Сиденье аппарата было притянуто к окну башни.

Но вот в верхнем окошке башни показался сам Ленорман. Он сел на сиденье своего аппарата и спрыгнул вниз.

Все вскрикнули в испуге. Но отважный физик плавно опустился на землю. Все окружили Ленормана и поздравляли его с успехом.

— Но что же это? Как называется ваша машина? — слышались вопросы со всех сторон.

— Это — «парашют», — ответил Ленорман, — аппарат для спасения при полетах на монгольфьере или шарльере.

Г. Котельников.

Мастер зеркальной обуви

(Окончание)

После смерти отца он пропал несколько дней. Вернулся худой, почерневший. Вошел в свой опустевший дом. Потом пошел к морю, лег на плоский камень, у самого моря. Чайки кружились над ним с печальным криком.

Люди, пережившие много горького горя, знают, что иной раз участие, жалость только сильнее ранит сердце. Тут никто не тревожил Яшку.

Под вечер, немецкий часовой крикнул ему, чтобы он убирался с берега. Но Яшка, должно быть, не слышал или не понял. Над берегом хлопнул выстрел. Пуля с визгом ударила около головы мальчика. И только тогда он, как ящерица, скользнул с камня и скрылся среди скал.

На другое утро Яшка сидел, как всегда, на углу улицы. Щуплый немецкий офицер поставил на его ящик тонкую кривую ногу, похожую на лапу паука. И, что же? Многие, не веря своим глазам, видели, как старательно трудился Яшка. Офицер остался доволен. Он снисходительно хрюкнул и даже кинул Яшке мелкую монету. Не успел офицер отойти, как из-за угла вышел Костя-Ящук, лучший яшкин друг. Он неторопливо подошел к Яшке. С минуту молча рассматривал его, словно никогда раньше не видел Яшки. Облизнул сухие губы и дрожащим от гнева и обиды голосом спросил:

— Хотел бы я знать, откуда в нашем городе взялся такой поганый немецкий лакей?

Яшка молчал и смотрел куда-то в сторону.

Вечером к Яшке подошла старуха-соседка.

— Яша, — тихо спросила она, — зачем ты это делаешь? Если ты голоден, пойдем, я накормлю тебя.

Яшка молчал, глядя в сторону. Старуха сказала:

— Если у тебя нет чести, пожалеи честь твоей матери. Велико ее горе. И на эти слова ничего не сказал Яшка. Руки его, испачканные гуталином, выронили щетки, вихрастая голова опустилась.

Когда, кончив работу, он побрел домой, его окружила толпа мальчиков. Не поднимая лишнего шума, они повалили его и долго били. Яшка почти не сопротивлялся и ни разу не вскрикнул. Встал с земли, вытер рукавом кровь с лица и побрел домой. Не успел он перешагнуть порог, как чья-то рука мягко легла ему на плечо. Он услышал знакомый добрый голос:

— Объясни мне, Яша, все.

И Яшка узнал по голосу старичка-учителя, которого очень любил. Лгать этому человеку Яшка не мог. И он молчал. Они стояли друг против друга в темноте и мол-

чали. Учитель снял свою руку с плеча Яшки.

— Не понимаю... — тихо произнес он, словно рассуждая сам с собой. — Неужели я так плохо знал этого мальчика?

В темноте Яшка нашел слабую, сухонькую руку учителя и прижался к ней щекой. Но учитель высвободил руку и ушел.

Все отвернулись от Яшки. Он жил, как зачумленный, среди людей, которые еще недавно любили и жалели его.

Ну, а немцы — те были довольны Яшкой. Видно, угодил он им своим мастерством. Чтобы господам немецким офицерам не нужно было переходить пыльную улицу, Яшке приказали переселиться к подъезду немецкой комендатуры, в густую тень кипариса. Комендатура помещалась в лучшем из уцелевших в городе домов. Около подъезда с фигурами спящих львов днем и ночью стояли часовые, сгоняя редких прохожих на мостовую.

Однажды к комендатуре вихрем подлетел отряд немецких мотоциклистов. Следом за ними подкатили к подъезду две штабные машины. Мотоциклисты спешились. Став полукругом около подъезда, они замерли возле своих машин. В комендатуре забегали, засуетились. Из передней машины вышел седой хмурый генерал с желтыми, обвисшими, как у бульдога, щеками. Из второй машины выскочили нарядные офицеры. Видно, важный был генерал. Все офицеры вытянулись перед ним в струнку.

Улицу оценили солдаты. Яшка так и замер у своего ящика. Все забыли о нем. Через два часа генерал вышел из подъезда. Он стоял на верхней ступеньке, натягивая узкие перчатки, еще более хмурый и желтый. За ним вышли офицеры.

Вот генерал и офицеры уехали в машины. Застрелотали мотоциклы. Сейчас они тронутся. И вдруг — грохнул взрыв. Черное облако, рассеянное вспышкой огня, взвилось над генеральской машиной. Полетели в сторону обломки, окровавленные лохмотья. Со звоном посыпались стекла из окон комендатуры. Вопли, стоны... И кто-то крикнул звонким голосом:

— Вот вам, проклятые! Вот вам!

Грохнул второй взрыв, в клочки разлетевший машину с офицерами.

Уцелевшие немцы увидели Яшку. Он медленно бежал, припадая на левую ногу, вниз по улице, к морю. Это он бросил гранаты, партизанский подарок, который хранил в своем красном ящике.

Коротко, злобно пролаял немецкий автомат. Яшка споткнулся на бегу, упал, перевернулся на спину и затих.

Запрокинув голову, лежал маленький герой и словно смотрел незрячими глазами в свое крымское небо и прощался с ним.

Б. Евгеньев.

Заучите наизусть!

Все рождь кругом, как степь живая,

Ни замков, ни морей, ни гор...

Спасибо, сторона родная,

За твой врачующий простор!

За дальним Средиземным морем,

Под небом ярче твоего,

Искал я примиренья с горем

И не нашел я ничего!

Н. Некрасов.

Народные загадки

Кто такие: Брат с братом через дорожку живут, а друг друга не видят?

(сестры)

Что такое: Сидит Нахом на коне верхом, книжку читает, а грамоте не знает?

(индюк)

Про кого можно сказать: Рук не имеет, а строить умеет?

(обязанная работа)

Про кого говорят: Бел, как снег, надут, как мех, на лопатах ходит?

(ветер)

Задача - головоломка

Маленькая Наташа ожидала к себе в гости четырех девочек, и мама для нее и ее гостей купила пять одинаковых пирожных. Но неожиданно пришли не четыре, а пять девочек.

Сначала Наташа хотела отказаться от своего пирожного и раздать пять пирожных пяти девочкам, своим гостям, но те на это ни за что не хотели согласиться и предлагали разделить все пирожные поровну. Но делить каждое пирожное на шесть частей оказалось все же неудобным: получились слишком маленькие кусочки. Тогда одна из девочек предложила свой способ, так разделить пять пирожных на шесть частей, что все девочки получили поровну. Как она могла это сделать?

Ответ: — Девочка взяла три пирожных и разделила их пополам (каждой девочке досталось по половине пирожного); затем, каждое из оставшихся двух пирожных она разделила на три части, и каждой девочке опять досталось по трети пирожного: все провели весело время за решением этой задачи, и всем досталось угощения поровну.

S. P. I., 4, Rue Saulnier — PARIS (9^e)